

— Что-то не так?

— С рыбками, которых выращивал молодой господин...

Гу Тин слегка опустил глаза, выдержал паузу и сказал:

— Подожду, пока мы победим, тогда извинюсь перед ним и куплю новых. Вдвое больше!

Начальник охраны добавил последнее предостережение:

— Рыба редчайшая, в самой ледяной воде выживает, зубы острые как бритва, и траву не ест — только мясо!

— Разве не идеально? — Гу Тин прищурился, и улыбка его стала хитрой. — Чего же мы ждем? Заманивайте воров внутрь!

Загрызть, загрызть всех до одного!

Мальчишка обрадуется, что его рыбки помогли одержать победу.

Звуки боя приближались, запах крови, смешанный со снежной пылью, плыл по воздуху. Чистый морозный воздух помутнел, от него кружилась голова.

Гу Тин окинул взглядом двор. Украшений здесь было немного — всё сдержанно, строго и просторно. От других мест его отличали разве что деревья, заполнившие пространство: абрикосы, персики, груши, гранаты — все плодоносящие. От одной мысли об этом становилось радостно и сладко на душе.

Какой хороший двор... Жаль, что мне придётся его погубить... Вернёшься — не рассердишься ли? Не выругаешь ли?

А пусть выругает. Я всё возьму. Всё и даже больше. Лишь бы ты вернулся.

Длинные пальцы мягко коснулись колонны, веки Гу Тина медленно опустились. Ты же князь, тебе нельзя бросать слова на ветер. Перед уходом ты сам сказал — жди меня. Вот я и жду, послушно жду. Возвращайся скорее, хорошо?

Блеск клинков, брызги крови, бесконечный запах крови расплзался по княжеской резиденции.

Гу Тин из последних сил держался, пускал в ход все свои уловки, но враги подступали всё ближе и вот уже достигли внешней стены.

Их предводитель начал выкрикивать:

— Господин Гу! Мы знаем, что это вы там! Князь — Страж Севера был героем, мы и его чтим! Но теперь он мёртв, к чему вам упорствовать? Сложите оружие — и я обещаю, что всех домочадцев князя, с учётом их заслуг, не обязательно предавать смерти! Лишь бы унять гнев за стенами города и сохранить покой для народа — мы на всё согласны! Уверены, Вдовствующая великая княгиня, столько лет оберегавшая Цзююань, тоже готова принести себя в жертву ради людей! Остановитесь сейчас, впустите нас — и всё уладится, мы вас не тронем!

Гу Тин усмехнулся. Опять за старое?

Кто сказал, что надо выбирать между семьёй князя и народом Цзююаня? Это лишь ваши выдумки! Драться вы мастера так себе, а вот играть на сердцах научились. Жаль только, что ваши уловки на мне не сработают!

Гу Тин махнул рукой, не удостоив ответа, и приказал своим продолжать бой.

И тогда за воротами раздался знакомый голос.

— Гу Тин! Ты из семьи Гу, носишь нашу фамилию, но в резиденцию князя — Стража Севера тебя ещё не звали! Никто из них тебя не хотел, ты всего лишь потешный мальчик, игрушка для утех! Не воображай о себе слишком много — кто тебя пожалеет, кто похвалит? Кончай дурачиться, выходи и иди домой со мной, отец ждёт тебя к празднику!

Это был голос его «милого» брата, Гу Цинчана.

Гу Тин прищурился, не понимая, откуда тот взялся среди нападающих. Увидев, как У Фэн сбивает с ног одного из врагов и подаёт знак со стены, он тут же всё понял.

Что ж, резиденция под атакой, все отступают вглубь, кольцо сжимается всё туже. А враги, захватывая территорию за территорией, оставляют за собой пустые, распахнутые настежь ворота. Почему бы и не войти? Кому угодно. Теперь за стенами, наверное, не только наёмники в чёрном, но и куда больше неожиданных гостей.

Гу Тин снова не отреагировал, жестом велел продолжать схватку.

За воротами кто-то тихо вздохнул, и послышался спокойный, чистый голос:

— Знаю, ты из добрых побуждений, но А Тин всё же твой младший брат, говори с ним помягче. Тин-ди, — голос зазвучал громче, словно весеннее солнце или перебор струн при луне, — ты уже сделал достаточно. Мы все знаем, каким человеком был князь — Страж Севера, знаем и о твоей верности, о твоём благородстве. Хочешь отдать жизнь за друга — я готов поддержать твою преданность. Но не хочу, чтобы ты страдал. Не выходи — так впусти меня.

— Я буду с тобой. В жизни, в смерти — ты не останешься один.

Голос был до боли знаком. Цзян Муюнь.

Гу Тин и вправду не ожидал, что этот человек окажется столь искусен в выборе момента. Мало кто умел вкладывать в слова столько двусмысленности, и Цзян Муюнь был единственным, кого он знал, кто не только владел этим искусством, но и умудрялся избегать последствий, не позволяя посторонним строить ложные догадки.

Разумеется, за воротами Гу Цинчан встревожился:

— Брат Цзян! Как ты можешь...

— Тсс...

Цзян Муюнь сделал знак, быстро мигнув, и Гу Цинчан тут же прикрыл рот ладонью:

— А, понял...

Он понял: брат Цзян обманывает Гу Тина! Никакого «быть с тобой» и в помине не было, брат Цзян и не думал умирать вместе с Гу Тиним. Но если удастся завоевать его доверие, войти,

увидеться — можно будет уговорить, смягчить обстановку!

Брат Цзян такой умный... и такой добрый. Самый умный и добрый человек на свете!

Взгляд Гу Цинчана, устремлённый на Цзян Муюня, был полон восхищения и почтения.

Цзян Муюнь, прикрыв улыбку кулаком, мягко опустил руку, давая знак хранить тишину и не привлекать внимания.

Гу Цинчан тут же выпрямился, уголки губ заодно поднялись. Прежнее раздражение исчезло, сменившись ещё большей уверенностью. Брат Цзян всегда поступает правильно, и я всегда его поддержу!

Наёмники в чёрном, конечно же, заметили эту пару, но не придали значения. Пока те не вмешиваются и не мешают — они только помогают. Да и вели себя они иначе, чем остальные, — и вправду казались союзниками.

Предводитель наёмников крикнул:

— Господин Гу, не упрямься! Сегодня мы должны покончить с этим: либо выходишь ты, либо входим мы. Решай!

Враги уже у самых ворот. Напряжение копилось так долго, что ещё немного — и Гу Тин сам сойдёт с ума. Он усмехнулся и распахнул ворота.

В тот же миг со свистом в него метнулась стрела!

У Фэн, находившийся на стене, стремительно кувыркнулся вниз. Меч взметнулся, сверкнув ослепительно, и отбил стрелу прочь. Он заслонил Гу Тина, будто огромная птица, распростёршая крылья.

Гу Тин пристально посмотрел на своего слугу. Подобное случалось и раньше — в прошлой жизни много раз. Его слуга, казавшийся простаком, в нужный момент действовал быстрее и точнее любого, а в спокойные дни умел отлынивать лучше всех. Но стоило кому-то попытаться причинить Гу Тину вред — У Фэн всегда оказывался рядом, всегда первым вставал на его защиту, с суровым и неумолимым лицом. Порой Гу Тину даже казалось, что У Фэн вовсе не слуга, а настоящий герой.

Легонько хлопнув слугу по плечу, Гу Тин опустил взгляд:

— Всё в порядке.

У Фэн замешкался, затем послушно отступил.

Гу Тин увидел множество людей. Из-за предыдущих засад отряд наёмников в чёрном сильно поредел и теперь не мог окружить весь двор плотным кольцом. Но и у резиденции людей оставалось мало — затягивать было нельзя.

Гу Цинчан стоял вне поля боя, рядом с ним — Цзян Муюнь. И не только они. Были и другие лица, незнакомые, но выражения, осанка, весь их облик казались до боли знакомыми — такими же, как у простых жителей Цзююаня, что сновали по улицам города. Эти люди не кричали, лишь сжимали кулаки, взгляды их были полны тревоги и беспокойства. Увидев, что Гу Тин открыл ворота, они заволновались ещё сильнее, некоторые даже принялись отчаянно махать

руками: «Не открывай! Закрой, закрой!»

Простые горожане не умели сражаться, не могли броситься на вражеские клинки. Но сердца их были горячими, а души — добрыми. Они переживали за резиденцию князя — Стража Севера, не желали ничьей гибели!

Тяжёлый камень с души свалился. Гу Тин мгновенно перестал злиться. Он и знал — не все люди бессердечны.

Прижимая к груди ручную грелку, с лёгкой улыбкой на лице, он неспешно произнёс:

— Я-то думал, что уж я-то мастер говорить, а вы, как оказалось, оба меня переплюнули. Так трогательно говорите. Но есть поговорка: «Заяц убит — лису тоска берёт, птиц перебили — лук на полку кладут». Мой милый братец, да и вы, господин Цзян, — вы и вправду обо мне беспокоитесь? Или боитесь, что если я погибну, некому будет сдерживать натиск, и вражеские клинки тут же обернутся против ваших глоток?

Уголки его губ презрительно дрогнули:

— Лишь я один знаю, где спрятано то, что им нужно, и вам от этого не по себе, верно? Война на пороге, народу Цзююаня тяжко. Но вы-то не из Цзююаня — с чего бы вам разделять эту долю?

Гу Цинчан тотчас вспылел, гневно взмахнув рукавом:

— Как ты смеешь так говорить! Думаешь, я по своей воле здесь? Если бы не настойчивость брата Цзяна, кому ты сдался! Неблагодарный, невежественный негодяй!

<http://bllate.org/book/16279/1466242>